

УДК 94(38)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-2-61-76

Сократ и Ферамен

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, isurikov@mail.ru*

Аннотация. В труде Диодора имеется свидетельство (относящееся к 404–403 г. до н. э.), которое, не имея подкрепляющих параллелей в других источниках, нередко признается недостоверным. Согласно этому автору, когда в Афинах в период режима Тридцати между Критием, лидером крайних олигархов, и Фераменом, лидером умеренных олигархов, случился конфликт, в результате которого последний был казнен, Сократ пытался (хотя и безуспешно) прийти ему на помощь. Иных данных о дружественных отношениях между философом и политиком в источниках нет. В статье рассматривается вопрос о том, почему в одном из вариантов нарративной традиции их имена оказались сближены. Ферамен удостаивался от античных авторов чрезвычайно неоднозначных оценок; часто его воспринимали как личность беспринципную, что, однако, неправомерно. Наиболее взвешенное суждение о нем находим в «Афинской политике» Аристотеля, который подчеркивает главное в политической позиции Ферамена: тот был прежде всего поборником законности, которая в конце V в. до н. э. постоянно нарушалась как демократами, так и олигархами. Но та же приверженность к неукоснительному соблюдению законов была характерна и для Сократа.

Ключевые слова: Сократ, Ферамен, классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, законы, Критий, Диодор, Аристотель

Для цитирования: Суриков И.Е. Сократ и Ферамен // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 61–76. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-2-61-76

Socrates and Theramenes

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

isurikov@mail.ru

Abstract. In Diodorus' work, there is a piece of evidence (dating to 404–403 B.C.), which has no corroborating parallels in other sources and so is often considered not authentic. According to that author, when in Athens during the period of the Thirty regime a conflict occurred between Critias, the leader of extreme oligarchs, and Theramenes, the leader of moderate ones, and the latter was executed as a result of that conflict, Socrates tried (although without success) to come to his aid. There are no other data on friendly relations between the philosopher and the politician in the sources. The article considers the question why in one version of the narrative tradition their names appear to be brought together. Theramenes was conferred extraordinarily contradictory evaluations by ancient authors; he was frequently perceived as an unprincipled person, what is, however, unjustified. The most weighed judgment on him can be found in the *Constitution of Athens* by Aristotle who emphasizes the main feature in Theramenes' political position: he was, first of all, a champion of lawfulness, which was constantly violated in late 5th century B.C. by both democrats and oligarchs. But an analogous commitment to rigorous observance of laws was characteristic also of Socrates.

Keywords: Socrates, Theramenes, Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, laws, Critias, Diodorus, Aristoteles

For citation: Surikov, I.E. (2024), "Socrates and Theramenes", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 61–76, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-2-61-76

В начале XIV книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского содержится свидетельство, несколько настораживающее специалистов как проблематичное; не имея подкрепляющих параллелей в других источниках, оно нередко признается просто недостоверным. Речь идет о событиях 404–403 г. до н. э., когда в Афинах после их поражения в Пелопоннесской войне установилась олигархия Тридцати (см. монографическое исследование о ней: [Krentz 1982]). Этот режим, на который вначале сограждане возлагали довольно радужные надежды (Plat. Epist. VII. 324d), уже вскоре приобрел откровенно репрессивный характер и оставил о себе настолько недобрую память, что со временем по отношению

к нему стала употребляться формулировка «Тридцать тиранов»¹. Объяснялось это прежде всего тем, что на первое место в правящей коллегии выдвинулся Критий, возглавлявший крайнее крыло олигархов, убежденный лаконофил, фанатик идеи, страшный именно этим своим фанатизмом, готовностью пролить любую кровь [Суриков 2011а, с. 232] (кстати, как впоследствии показала его доблестная гибель в бою, он не щадил и собственной). Ферамен, вставший в оппозицию к Критию, был по его распоряжению физически устранен [Ungern-Sternberg 2000]; когда его арестовывали прямо во время заседания Совета, он пытался прибегнуть к защите алтаря. В связи с этим у Диодора и читаем (Diod. XIV. 5. 1–3):

Служители подошли и стали отрывать его; Ферамен мужественно переносил несчастье, поскольку он немало занимался философией с Сократом, а остальное множество жалело попавшего в беду Ферамена, однако не дерзало прийти ему на помощь, поскольку вокруг стояло много вооруженных людей. Впрочем, философ Сократ с двумя своими домашними (несомненно, имеются в виду ученики. – И. С.), подбегав, пытался помешать служителям. Но Ферамен попросил его не делать этого, сказав, что хвалит их дружественность и храбрость, но будет считать для себя величайшим горем, если станет виновником смерти столь доброжелательно расположенных к нему людей. Поскольку никто другой не приходил на помощь, Сократ со своими, видя, что наглость тех, кто превосходил их силой, возрастает, отказались от своей попытки. И те, кому это было предписано, оторвали Ферамена от алтаря и вытащили на середину площади для казни.

Поскольку из двух имен, вынесенных в заголовок данной статьи, второе, в отличие от первого, мало что скажет тем, кто не занимался специально историей классических Афин, представляются необходимыми хотя бы несколько слов о его носителе². Ферамен, чья активная деятельность пришлась на два последних десятилетия V в. до н. э., являлся политиком, придерживавшимся, как обычно формулируют, умеренно-олигархической ориентации. Вот автохарактеристика, вложенная в его уста Ксенофонтом: «Я борюсь с теми демократами, которые считают, что настоящая демократия – только тогда, когда в правлении участвуют рабы и нищие, которые, нуждаясь в драхме, готовы за драхму продать государство; борюсь

¹ Считается, что это выражение первым использовал историк IV в. до н. э. Эфор [Rhodes 2000, p. 135].

² Подробнее о Ферамене см. [Суриков 2011а, с. 227–272], с указаниями на предшествующую зарубежную литературу.

и с теми олигархами, которые считают, что настоящая олигархия – только тогда, когда государством управляют по своему произволу несколько неограниченных владык. Я всегда – и прежде и теперь – был сторонником такого строя, при котором власть принадлежала бы тем, которые в состоянии защитить государство от врага, сражаясь на коне или в тяжелом вооружении» (Xen. Hell. II. 3. 48).

В 411 г. до н. э. Ферамен стал одним из организаторов первого олигархического переворота в Афинах и, соответственно, вошел в число лидеров установившегося тогда режима Четырехсот. Поскольку в этом последнем тоже быстро возобладали крайние силы (Антифонт, Фриних, Писандр), в том же году Ферамен инициировал свержение Четырехсот и установление куда более мягкой олигархии Пяти тысяч, по своей сути приближавшейся к умеренной демократии [Marcassini 2013]. После восстановления в 410 г. до н. э. прежнего радикально-демократического устройства в полном объеме он оставался в числе виднейших государственных деятелей афинского полиса. В 406 г. до н. э. им была сыграна, по оценке Ксенофонта, не вполне благовидная роль в судебном процессе стратегов, одержавших победу при Аргинусских островах (но этот вопрос, более сложный, чем кажется на первый взгляд, мы подробнее затронем ниже, тем более что к Сократу он тоже имеет отношение). В 404 г. до н. э., похоже, именно он был автором плана создания коллегии Тридцати (Lys. XII. 73), а через несколько месяцев, как мы видели, поссорился с Критием и погиб.

В античной нарративной традиции Ферамен – одна из самых неоднозначных фигур, удостаивавшаяся противоречивых и даже полярно противоположных оценок. Вот его характеристика, данная Фукидидом: «...одним из главных участников олигархического переворота (411 г. до н. э. – И. С.) был Ферамен, сын Гагнона, человек выдающегося ума и ораторского дарования» (Thuc. VIII. 68. 4).

Ксенофонт избегает общих суждений «от первого лица» о Ферамене как политике и только однажды позволяет себе оценку, да и то не его деятельности в целом, а только того, как достойно он встретил свою насильственную кончину: «В человеке достойно уважения то, что, стоя лицом к лицу со смертью, он не теряет ни ясности ума, ни весело-игривого настроения духа» (Xen. Hell. II. 3. 56). Высказывается о Ферамене у Ксенофонта Критий, и понятно, делает он это в негативном духе: «...Предательство впитано им с молоком матери. Он начал свою деятельность с того, что вступил в число вожаков демократии. И он же, по примеру своего отца Гагнона, стал ревностным сторонником переворота, поставившего на место народовластия правление Четырехсот, и даже играл руководящую роль в этом правительстве. Но затем тот

же Ферамен, проведая, что против господствующей олигархии начинается возмущение, оказался в числе первых вождей народного движения против правителей. За это-то и прозвали его котурном» (Xen. Hell. II. 3. 30).

Котурны – обувь театральных актеров, в равной степени подхваченная и на правую, и на левую ногу, так что метафора понятна: «двурушник», «флюгер». В действительности называть так Ферамена было бы неправомерно (см. ниже), но от его врага Крития здешний и не приходится ожидать объективности. Сам же Ксенофонт обрисовывает образ Ферамена неодинаково в разных местах своего исторического труда: в сцене суда над стратегами тот предстает у него скорее в неблагоприятном свете, а в тех местах, где речь идет о его противостоянии «кровавому» Критию, у автора просматривается скорее симпатия к нему.

В высшей степени отрицательны характеристики, даваемые Ферамену Лисием (убежденным сторонником радикальной демократии), например следующая (Lys. XII. 78): этот политик погиб «не за вас (афинян. – И. С.), а за свою собственную подлость, ...справедливо понес кару при олигархии, – он раз уже ее уничтожил, – и справедливо понес бы ее и при демократии, – он дважды вас предавал в рабство, потому что не дорожил тем, что есть, а гнался за тем, чего нет, и, прикрываясь самым благородным именем, сделался учителем самых возмутительных деяний». В данном случае нужно, конечно, помнить, что перед нами хула-псогос – жанр, в котором бесполезно искать взвешенную, аргументированную оценку, попытку сколь-нибудь глубоко проникнуть в суть описываемого характера; все это подменяется односторонней и одномерной, гротескно-карикатурной зарисовкой.

Контрастом мнению Лисия звучит отзыв Аристотеля о Ферамене – один из самых благоприятных (а также, пожалуй, самый развернутый) в античной нарративной традиции: «Самыми лучшим из политических деятелей в Афинах после деятелей старого времени, по-видимому, являются Никий, Фукидид³ и Ферамен... Что же касается Ферамена, то вследствие смут, наступивших в его время в государственной жизни, в оценке его существует разногласие. Но все-таки люди, серьезно судящие о деле, находят, что он не только не ниспровергал, как его обвиняют, все виды государственного строя, а наоборот, *направлял всякий строй, пока в нем соблюдалась законность* (курсив наш. – И. С.). Этим он показывал, что может трудиться на пользу государства при всяком устройстве,

³ Не историк Фукидид, а его тезка и родственник Фукидид, сын Мелесия, – консервативный политик, оппонент Перикла.

как и подобает доброму гражданину, но если этот строй допускает противозаконие, он не потворствует ему, а готов навлечь на себя ненависть» (Arist. Ath. pol. 28. 5).

Как видим, автор «Афинской политики» прекрасно отдает себе отчет в том, что Ферамен – фигура сложная, неоднозначная, вызывающая у разных людей далеко не одинаковое, противоречивое отношение. В частности, хорошо известны Стагириту оценки в духе лисиевской. Однако он не считает их объективными и, полемизируя с ними, отстаивает собственное видение Ферамена как вполне конструктивного лидера. Аристотелю он нескрываясь интересен. Более интересен, чем даже, например, тот же Перикл. О последнем в трактате о государственном устройстве афинян сказано скупое и скорее в осуждающих тонах: «После этого в качестве демагога выступил Перикл... Также и жалование в судах ввел впервые Перикл, употребляя демагогический прием... На этом основании некоторые считают его виновником нравственного разложения» (Arist. Ath. pol. 27. 1–4). Что же касается характеристики Ферамена, обратим в ней особенное внимание на место, которое выше было выделено курсивом. Именно эта особенность политического поведения интересующего нас деятеля многим представлялась пресловутым «двурушничеством», готовностью и поддержать, и ниспровергнуть едва ли не любое политическое устройство. Аристотель⁴ очень хорошо объяснил причину этой мнимой непоследовательности.

Вернемся к свидетельству Диодора, с которого мы начали. У тех, кто отрицает факт заступничества Сократа за Ферамена, есть следующий довод: об этом факте, имея он место в действительности, должен был бы упомянуть в своей «Греческой истории» ученик Сократа Ксенофонт, который в период режима Тридцати находился в Афинах, а при расправе над Фераменом присутствовал лично. Ведь привести такой выигрышный для Сократа факт было бы в высшей степени выгодно Ксенофонту, который в «Меморabiliaх» всячески пытался оправдать своего учителя от упреков в близости к одиозному Критию. Сказанное относится и к другому

⁴Мы продолжаем считать автором «Афинской политики» (или, во всяком случае, одним из соавторов – весьма вероятно, что это сочинение писалось двумя людьми [Whitehead 1993]) именно самого Аристотеля. Это часто оспаривалось, наиболее активно – П. Родсом; но, называя вещи своими именами, ни один из его доводов не имеет обязательной силы – неслучайно ученый завершил изложение своей аргументации фразой: «Возможно, что Аристотель написал эту работу сам, но я *не верю* (курсив наш. – И. С.), что он это сделал» [Rhodes 1985, p. 63].

ученику Сократа – Платону. Почему он, рассказывая (например, в «Апологии») о мужественных, независимых поступках философа в правление «Тридцати тиранов», ни словом не упоминает о данном эпизоде? Казалось бы, защита Ферамена прекрасно ложилась в подобный контекст.

Однако, как нам представляется, дело в следующем. Сократики, стремясь в своих сочинениях сделать из Сократа едва ли не святого, тщательно отмежевывали его от любых проявлений «зла» и его носителей. А Ферамен в представлениях большинства афинян первой половины IV в. до н. э. был все-таки воплощением зла, пусть и не в такой степени, как Критий. Как-никак, он участвовал в двух олигархических переворотах, свергал демократию... Сторонники радикального народовластия никак не могли признать его своим. Соответственно, попытка Сократа уберечь Ферамена от произвола Крития никак не рисовала философа в позитивном свете в глазах демократов, для которых распря между лидерами Тридцати выглядела попросту как «разборка» в среде правящей олигархии, и не более того, – конфликт, ни один из участников которого не вызывал к себе симпатии [Суриков 2011б, с. 284–285].

Небезопасным для посмертной репутации Сократа было бы подчеркивать его близость к Ферамену в то время, когда последнему давались крайне уничижительные характеристики (вспомним филиппику Лисия, цитировавшуюся чуть выше). Ведь только по прошествии многих десятилетий, когда страсти улеглись, Аристотель мог позволить себе удостоить Ферамена более объективной оценки. Одним словом, мы не видим по-настоящему бесспорных оснований для того, чтобы решительно отрицать попытку «босоногого мудреца» вступить за политика, по отношению к которому творилось демонстративное беззаконие, и не исключаем того, что эпизод мог действительно иметь место (хотя и настаивать на этом не будем).

Как бы то ни было, в «Меморabiliaх» Ксенофонта Ферамен не упоминается ни разу, а во всем обширном *Corpus Platonicum* его имя встречается только однажды, да и то в диалоге «Аксиох», который, как признается всеми, не принадлежит перу самого Платона [Nails 2002, p. 327], а был составлен кем-то в его школе ([Plat.]. *Axioch.* 368d). Соответственно, о близости Сократа и Ферамена вроде бы не имеется никаких иных данных, кроме разбираемого пассажа Диодора. Более того, был случай, когда эти двое фактически противостояли друг другу. Речь идет о суде над стратегами-победителями, который нами уже упоминался. Этот скандальный процесс привел к настоящей расправе демоса над полководцами, и Ферамен был одним из тех, кто настраивал против них народную

массу. Сократ же во время суда, будучи в числе председательствующих, всячески боролся, хотя и безуспешно, за соблюдение хотя бы элементарных норм законности [Hatzfeld 1940].

В интерпретации процесса Ксенофонтом (Xen. Hell. I. 7) Ферамен предстает просто-таки какой-то злокозненной личностью, которая ни с того ни с сего начинает обвинять стратегов в том, что они после сражения не подобрали тела погибших. Однако Ксенофонт умалчивает о некоторых немаловажных фактах, о которых нам становится известно, что интересно, из того же Диодора (Diod. XIII. 101–103). Согласно этому автору, события разворачивались следующим образом. Не сумев подобрать трупы из-за разыгравшейся бури, стратеги с флотом отбыли на свою главную базу на Самосе, но Ферамен и Фрасибул, которые были триерархами, направились непосредственно в Афины (причина не оговаривается, Diod. XIII. 101. 2). Стратеги с Самоса послали в Афины письмо с отчетом о битве, в котором, помимо прочего, сообщалось, что подобрать тела павших было поручено Ферамену и Фрасибулу (Diod. XIII. 101. 2). Когда письмо было прочитано в народном собрании, два триерарха, боявшиеся гнева демоса, поскольку задача не была выполнена, в целях самооправдания сумели, пользуясь своим авторитетом в полисе, перенаправить обвинение на самих стратегов (Diod. XIII. 101. 4). Вот тогда-то тем и был направлен приказ об их смещении с должностей с требованием немедленно прибыть в Афины для суда (Diod. XIII. 101. 5). Таким образом, стратеги начали первыми, а Ферамен и Фрасибул оборонялись.

Итак, что же, собственно, сближало Ферамена и Сократа? Первый, как мы видели, выступал как противник демократии, – во всяком случае, крайней. Но и Сократ ее сторонником отнюдь не являлся, несмотря на все попытки доказать, что он был таковым, а антидемократические взгляды ему-де приписал лишь Платон (например: [Vlastos 1991, pp. 48–49]). А следует учитывать, что афинская демократия последней четверти V в. до н. э. была именно *крайней*, она вполне соответствует тому типу, который и Аристотель в «Политике» определял как ἡ δημοκρατία ἡ ἐσχάτη (Arist. Pol. V. 1312b36); позже подобный строй стали называть охлократией.

Безусловно, для Стагирита любая демократия (равно как и любая олигархия) являет собой дефектную, «отклоняющуюся» форму правления [Duke 2020, p. 11]. Но характеристика им крайней демократии особенно убийственна: «При пятом виде демократии... верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон (ὅταν τὰ ψηφίσματα κύρια ἢ ἄλλὰ μὴ ὁ νόμος). Достигается это через посредство демагогов

(διὰ τοὺς δημαγωγούς). В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законе, появляются демагоги... В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы, в сущности, одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. Они повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение всё. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании... По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов. Таким образом, если демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле...» (Arist. Pol. IV. 1292a4–36).

Что же в глубоко несимпатичной Аристотелю крайней демократии (которую он даже уподобляет тирании, а также «династии», крайней форме олигархии) вызывает его наибольший протест? Этот момент сразу бросается в глаза, он настойчиво повторяется и подчеркивается автором в только что приведенной цитате: в такой демократии не осуществляется принцип власти закона (или верховенства права, как он часто формулируется в политологической и юридической литературе), выше законности стоит произвол правящего демоса. Исследователи почти единодушны⁵ в том, что философ здесь описывает именно афинскую демократию конца V в. до н. э., когда нормами закона откровенно пренебрегали.

⁵ Едва ли не единственное известное нам исключение – [Joyce 2022, p. 91].

Афинское олигархическое движение времен Пелопоннесской войны⁶ являлось крайне неоднородным по составу (напоминая в этом плане Белое движение в России конца 1910-х гг.), сплачивалось оно в основном «негативным консенсусом» против охлократии и демагогов. В его рядах были и убежденные аристократы-лаконофилы (Критий), и некоторые из прежних демагогов, переметнувшиеся в противоположный лагерь (Писандр, Харикл), и военные, недовольные некомпетентными стратегическими решениями эkkлeсии (Фриних), и рафинированные интеллектуалы с их традиционным презрением к пресловутой невежественной «черни» (Антифонт⁷).

Особое место среди лидеров направления, о котором идет речь, занимал Ферамен. В чем заключалась специфика его позиции в бурных перипетиях кризисных лет? В том, что он был прежде всего поборником *закона*. Это в полной мере выявилося в период существования уже упоминавшегося режима Пяти тысяч, творцом которого он был. Названный режим, хотя и существовал недолго, не более года, произвел большое, причем весьма позитивное, впечатление на греческую политическую мысль [Lintott 2000, p. 165]. Он удостоился небывало высоких похвал со стороны как Фукидида (Thuc. VIII. 97. 2), так и Аристотеля (Arist. Ath. pol. 33. 2), рассматривался как едва ли не первый реализованный на деле образец «смешанного государственного устройства»⁸. Уже Фукидид именно так его и характеризует: «...это было благоразумное смешение олигархии и демократии (μετρία γὰρ ἦ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο)» (Thuc. VIII. 97. 2).

Действительно, форма правления, о которой идет речь, по сути дела, может быть названа одновременно и очень умеренной олигархией, и очень умеренной демократией. Кстати, таковые в шкале государственных устройств, используемой Аристотелем, и в принципе сходятся, находясь в самом центре этой шкалы: «Мерилом того, что такого рода смешение демократии и олигархии произведено хорошо, служит то, когда окажется возможным один и тот же вид государственного устройства называть и демократией и олигархией. Те, кто пользуется обоими этими обозначениями, очевидно, чувствуют, что ими обозначается смешение прекрасное;

⁶Его общую характеристику см.: [Rhodes 2000].

⁷Значение Антифонта в политической и идейной жизни тогдашних Афин, ранее недооценивавшееся, в полной мере продемонстрировано в книге [Gagarin 2002].

⁸Об идее такого устройства и ее отражении у эллинических мыслителей см.: [Lintott 2000; Nahm 2009; Saldutti 2022].

а такое смешение заключается именно в середине, так как в ней находят место обе противоположные крайности» (Arist. Pol. IV. 1294b14–18).

Для Аристотеля, горячего поборника умеренных политических форм и врага крайних, последние характеризуются торжеством беззакония, первые же, напротив, – приверженностью к законности. Выше мы видели, что крайняя демократия описана им именно как режим, при котором воля правящего народа стоит выше закона. Аналогично у него с крайней олигархией (династией), при которой выше закона стоит воля правящей наследственной клики: «Сын вступает в должность вместо отца... Властвует не закон, а должностные лица» (Arist. Pol. IV. 1292b5–7).

Естественно, ровно противоположным образом обстоит дело при Пяти тысячах, тем более что главой этого правительства был Ферамен, этот «фанатик законности». Фукидид, рассказав о его приходе к власти, далее добавляет: «Впоследствии на многих других народных собраниях афиняне учредили законодательные комиссии и выносили дальнейшие постановления о будущем государственном устройстве» (Thuc. VIII. 97. 2). Именно в тот момент и именно Фераменом была запущена известная афинская законодательная реформа, шедшая затем на всем протяжении последнего десятилетия V в. до н. э. В антиковедении ее начало, как правило, связывают с полным восстановлением демократического правления в 410 г. до н. э. Однако, как справедливо указал М. Финли [Finley 1971, p. 10], в действительности процесс начался несколько ранее, а именно тогда, когда существовал режим Пяти тысяч. В ходе реформы весь свод существующих законов был пересмотрен, в необходимых случаях исправлен и в целом обновлен, так что с этого времени можно фактически говорить о новом *corpus iuris Atheniensium*, хотя он и продолжал по традиции называться «законами Солона». Трудно переоценить значение этой важнейшей реформы, в результате которой во многом изменился политико-правовой менталитет афинян. Демократия стала восприниматься не как «власть народа», а как «власть закона» [Piérart 1995; Cohen 1995].

Назвав чуть выше Ферамена «фанатиком законности», мы коснулись ключевого для нас нюанса. В литературе отмечалось [Frank, Monoson 2009, p. 255], что и Аристотелю он, собственно, был мил именно этим, а не тем, что он являлся, допустим, умеренным олигархом. Но ведь и для Сократа законность была одной из высших ценностей. Вспомним о том, как он до последнего отстаивал ее устои в ходе суда над стратегами-победителями. Повиновение закону в представлениях мыслителя не входило в противоречие с индивидуальной свободой [Ober 2000, p. 541]. Закон для Сократа

превыше политической воли любого конкретного режима, будь то демократия или олигархия. Как в 406 г. до н. э. он противился произволу народа, творящего расправу над несчастными полководцами, – так позже он воспротивился произволу Тридцати и отказался, несмотря на их приказ принять участие в аресте на Саламине полководца Леонта.

Об этом последнем, кстати, не можем не сказать хотя бы несколько слов, пусть даже это и заставит чуть отклониться от основного сюжета статьи. О его казни как одном из типичных злодеяний репрессивных олигархов знают все. Но редко когда отмечается, что с ним связано одно из проявлений «иронии судьбы». Леонт входил в состав коллегии стратегов в 406 г. до н. э. (Xen. Hell. I. 4. 16), но на процессе после Аргинусского сражения он в числе обвиняемых не фигурировал, поскольку в этой битве не участвовал [Nails 2002, p. 185]. Тогда смерть от руки демоса его миновала – но только для того, чтобы прийти недолгое время спустя от руки Крития.

Приверженность Сократа к неукоснительному соблюдению законности особенно рельефно выступает в диалоге Платона «Критон». В нем, как известно, главный герой – друг, ученик и почитатель философа – хочет организовать его побег из тюрьмы, где тот пребывает в ожидании казни. Однако Сократ решительно отказывается бежать, и едва ли не главным доводом в защиту его позиции становится то, что бегство означало бы нарушение законов государства (ведь решение суда, будучи вынесено, получило законную силу), а он этого никогда не делал, не желает делать и на этот раз [Суриков 2011б, с. 322]. На первый взгляд такой ход мысли может озадачить: ведь с самим Сократом явно поступили несправедливо, вынеся ему смертный приговор, в сущности, ни за что. Казалось бы, в данном случае восстановление справедливости именно в том и будет заключаться, чтобы любой ценой не дать свершиться казни – плоду судебной ошибки.

Но для Сократа в подобном рассуждении есть определенная казуистика. А он – отнюдь не казуист, а самый жесткий ригорист. Действительно, либо каждый из нас берет на себя право решать, какой закон справедлив, а какой нет, какой заслуживает исполнения, а каким можно пренебречь, но тогда это будет самый настоящий софистический релятивизм и субъективизм, с которым Сократ боролся всю жизнь. Либо уж нужно считать, что закон – всегда закон, и повиноваться ему, не делая никаких исключений. Сократ выбирает последний вариант, что вполне естественно: не он ли постоянно подчеркивал важность законности для жизни общества? «Критон» – произведение, которое можно назвать настоящим гимном законам, которые в речи Сократа даже персо-

нифицируются, предстают в виде неких одушевленных существ (Plat. Crito 50a sqq.).

Итак, мы увидели, что на самом деле роднило Сократа и Ферамена. Была или нет между ними личная дружба (а единственным в нарративной традиции указанием на таковую является, повторим, рассмотренное свидетельство Диодора), – может быть, даже не столь уж и принципиально; главное в том, что два афинянина были единомышленниками. Во всяком случае в теории. На практике их однажды столкнул друг с другом процесс стратегов. Но тут налицо нередкая коллизия оппортуниста-политика и неконформиста-философа. Впрочем, потом, перед лицом казни, и тот, и другой проявили высоту духа. Каждый из них выпил свою чашу цикуты по-разному, но оба – достойно.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>.

Литература

- Суриков 2011a – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: Година междоусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 328 с.
- Суриков 2011b – *Суриков И.Е.* Сократ. М.: Молодая гвардия, 2011. 365 с.
- Cohen 1995 – *Cohen D.* The rule of law and democratic ideology in Classical Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Hg. von W. Eder. Stuttgart: Steiner, 1995. S. 227–244.
- Duke 2020 – *Duke G.* Aristotle and law. The politics of nomos. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. X, 181 p.
- Finley 1971 – *Finley M.I.* The ancestral constitution. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 58 p.
- Frank, Monoson 2009 – *Frank J., Monoson S.S.* Lived excellence in Aristotle's *Constitution of Athens*. Why the encomium of Theramenes matters // The Cambridge companion to Ancient Greek political thought / Ed. by S. Salkever. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 243–270.

- Gagarin 2002 – *Gagarin M.* Antiphon the Athenian. Oratory, law, and justice in the age of the Sophists. Austin: University of Texas Press, 2002. XI, 222 p.
- Hahm 2009 – *Hahm D.E.* The mixed constitution in Greek thought // A companion to Greek and Roman political thought / Ed. by R.K. Balot. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 178–198.
- Hatzfeld 1940 – *Hatzfeld J.* Socrate au procès des Arginuses // Revue des études anciennes. 1940. Vol. 42. P. 165–171.
- Joyce 2022 – *Joyce C.J.* Amnesty and reconciliation in late fifth-century Athens. The rule of law under restored democracy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. XI, 259 p.
- Krentz 1982 – *Krentz P.* The Thirty at Athens. Ithaca: Cornell University Press, 1982. 164 p.
- Lintott 2000 – *Lintott A.* Aristotle and the mixed constitution // Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 152–166.
- Marcaccini 2013 – *Marcaccini C.* Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemilia, la πρόκρισις e la patrios politeia // Klio. 2013. Bd. 95. Ht. 2. S. 405–428.
- Nails 2002 – *Nails D.* The people of Plato. A prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2002. LXVIII, 414 p.
- Ober 2000 – *Ober J.* Living freely as a slave of the law. Notes on why Sokrates lives in Athens // Polis & Politics. Studies in Ancient Greek history presented to Mogens Herman Hansen on his 60th birthday, August 20, 2000 / Ed. by P. Flensted-Jensen, T.H. Nielsen, L. Rubinstein. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2000. P. 541–552.
- Piérart 1995 – *Piérart M.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Hg. von W. Eder. Stuttgart: Steiner, 1995. S. 249–268.
- Rhodes 1985 – *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1985. XIII. 795 p.
- Rhodes 2000 – *Rhodes P.J.* Oligarchs in Athens // Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 119–136.
- Saldutti 2022 – *Saldutti V.* The mixed constitution of Demetrius Phalereus // Klio. 2022. Bd. 104. Ht. 1. S. 159–190.
- Ungern-Sternberg 2000 – *Ungern-Sternberg J., von.* ‘Die Revolution frißt ihre eignen Kinder’: Kritias vs. Theramenes // Große Prozesse im antiken Athen / Ed. by L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg. München: Verlag C.H. Beck, 2000. S. 144–156.
- Vlastos 1991 – *Vlastos G.* Socrates, ironist and moral philosopher. Ithaca: Cornell University Press, 1991. 334 p.
- Whitehead 1993 – *Whitehead D.* 1–41, 42–69: A tale of two politeiai // Aristote et Athènes / Ed. by M. Piérart. P.: De Boccard, 1993. P. 25–38.

References

- Cohen, D. (1995), "The rule of law and democratic ideology in Classical Athens", in Eder, W., ed., *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?*, Steiner, Stuttgart, Germany, SS. 227–244.
- Duke, G. (2020), *Aristotle and law. The politics of nomos*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Finley, M.I. (1971), *The ancestral constitution*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Frank, J., Monoson, S.S. (2009), "Why the encomium of Theramenes matters" in Salkever, S., ed., *The Cambridge companion to Ancient Greek political thought*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 243–270.
- Gagarin, M. (2002), *Antiphon the Athenian. Oratory, law, and justice in the age of the Sophists*, University of Texas Press, Austin, Texas, USA.
- Hahn, D.E. (2009), "The mixed constitution in Greek thought", in Balot, R.K., ed., *A companion to Greek and Roman political thought*, Wiley-Blackwell, Oxford, UK, pp. 178–198.
- Hatzfeld, J. (1940), "Socrate au procès des Arginuses", *Revue des études anciennes*, vol. 42, pp. 165–171.
- Joyce, C.J. (2022), *Amnesty and reconciliation in late fifth-century Athens. The rule of law under restored democracy*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Krentz, P. (1982), *The Thirty at Athens*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Lintott, A. (2000), "Aristotle and the mixed constitution", in Brock, R. and Hodkinson, S., eds., *Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 152–166.
- Marcaccini, C. (2013), "Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemila, la *πρόκρισις* e la *patrios politeia*", *Klio*, Bd. 95, Ht. 2, SS. 405–428.
- Nails, D. (2002), *The people of Plato. A prosopography of Plato and Other Socratics*, Hackett Publishing Company, Indianapolis, USA.
- Ober, J. (2000), "Living freely as a slave of the law. Notes on why Sokrates lives in Athens", in Flensted-Jensen, P., Nielsen, T.H. and Rubinstein, L., eds., *Polis & Politics. Studies in Ancient Greek history presented to Mogens Herman Hansen on his 60th birthday, August 20, 2000*, Museum Tusculanum Press, Copenhagen, Denmark, pp. 541–552.
- Piérart, M. (1995), "Du règne des philosophes à la souveraineté des lois", in Eder, W. (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?*, Steiner, Stuttgart, Germany, SS. 249–268.
- Rhodes, P.J. (1985), *A Commentary on the Aristotelian "Athenaion Politeia"*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Rhodes, P.J. (2000), "Oligarchs in Athens", in Brock, R. and Hodkinson, S., eds., *Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 119–136.
- Saldutti, V. (2022), "The mixed constitution of Demetrius Phalereus", *Klio*, Bd. 104, Ht. 1, pp. 159–190.

- Surikov, I.E. (2011a), *Anticnaya Gretsia: politiki v kontexte epokhi. Godina mezhdousobitiz* [Ancient Greece: Politicians in the context of the epoch. A year of strife], Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2011b), *Sokrat* [Socrates], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Ungern-Sternberg, J., von (2000), “‘Die Revolution frißt ihre eignen Kinder’: Kritias vs. Theramenes”, in Burckhardt, L. and Ungern-Sternberg, J., von, eds., *Große Prozesse im antiken Athen*, Verlag C.H. Beck, München, Germany, SS. 144–156.
- Vlastos, G. (1991), *Socrates, ironist and moral philosopher*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Whitehead, D. (1993), “1–41, 42–69: A tale of two politeiai”, in Piérart, M., ed., *Aristote et Athènes*, De Boccard, Paris, France, pp. 25–38.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т., д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Mius-skaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru